

Глава 12. Суп из свиных почек

«Последствия», которыми пугал Бай Инчи, действительно отдавали угрозой — он явно пытался умерить любопытство Юй Уцюэ. Вот только сокрушить этой уловкой отчаянный юношеский задор ему не удалось.

Юноша ответил без малейшего колебания, будто даже не раздумывая:

— Спрошу.

— Почему?

— Ради него.

Юй Уцюэ перевёл взгляд на изнеможённого, бледного Хэ Бугуя:

— Пусть ваш ученик и глуп, но я понимаю: Бессмертный пострадал из-за меня. Мне не даёт покоя совесть, и я лишь хочу хоть как-то загладить вину.

Упрямство, с которым он отказывался признавать ошибки, и его же искреннее стремление отплатить за добро следовали одной и той же простой логике. Он шёл напролом, видя лишь причину и не заботясь о последствиях.

Эта простодушная прямота показалась Бай Инчи даже милой. Он невольно улыбнулся:

— Мой младший брат избил тебя так, что ты несколько дней с постели подняться не мог, а ты на него зла не держишь?

— Бабушка меня тоже частенько поколачивала, — простодушно отозвался Уцюэ.

В его понимании всё сходилось: бабушка была любя, значит, и Хэ Бугуй наказывал из лучших побуждений. Зачем же обижаться? Сравнив эти вещи, Юй Уцюэ счёл свои выводы безупречными. И если раньше он готовил и приносил еду исключительно ради того, чтобы подольститься, то сегодня его слова и поступки шли от самого сердца.

— Не стану скрывать от Главы дворца, — продолжил он. — Я видел чертежи Бессмертного и догадываюсь, что этой ночью стряслось на горе Алого Золота.

— Поведай же, — заинтересовался Бай Инчи.

Рукописи, найденные в покоях, описывали марионеток, созданных Хэ Бугуем специально на

случай извержения лавы на горе Алого Золота. Изготовление каждой требовало ювелирной точности, но главным было то, что на них накладывалось мощнейшее заклинание поглощения. После активации они создавали замкнутое подпространство, способное втянуть в себя всё вокруг — по принципу «сокрытия мира в горчичном зерне».

Это была техника буддийских практиков. Без глубоких познаний и колоссального запаса духовных сил невозможно было создать даже одну такую марионетку. Хэ Бугуй же трудился день и ночь, чтобы вырезать целую сотню.

Вот почему последний месяц он не казал носа из комнат и засиживался до глубокой ночи, истощая себя до предела.

Бай Инчи одобрительно кивнул:

— Понял ровно половину. Весьма недурно.

— Глава дворца мне льстит. Чтобы сшить сумку повместительнее, я когда-то немного изучал пространственные чары, но знаю лишь самые азы.

— Мой младший брат возвёл два барьера, — терпеливо объяснил Бай Инчи. — Первый ты угадал. А вот второй, хоть и имеет те же корни, действует с точностью до наоборот.

Хэ Бугуй сотворил великий массив «вмещения мира в горчичное зерно», чтобы в мгновение ока поглотить бушующие потоки лавы. Но следом он применил обратную технику — «вмещение зерна в великий мир», направив силу отдачи на подавление вспышки. Только так ему удалось свести на нет карающий гнев небес.

Бай Инчи растолковывал это столь подробно по двум причинам: во-первых, он видел рвение Юй Уцюэ к знаниям, а во-вторых, хотел показать, что Хэ Бугуй рисковал собой ради спасения мира, а не ради чего-то личного.

Бай Инчи ласково коснулся макушки юноши:

— Тебе не стоит так сильно корить себя.

Юй Уцюэ упрямо вскинул голову:

— Но и оставаться в стороне я не могу.

Он, конечно, понимал, что Бессмертный Тайвэй старался вовсе не ради него. Кто он такой? Обычный нарушитель порядка, обременяющий школу. С какой стати Хэ Бугую было заботиться о его безопасности? И всё же Юй Уцюэ чувствовал, что не имел права оставаться безучастным

свидетелем ночного бедствия. Не будь он столь слаб, бесталанен и импульсивен, возможно, он смог бы подставить плечо, сам закрыл бы эту брешь, а не ждал, пока Хэ Бугуя, потерявшего сознание прямо над кипящей магмой, придётся вытаскивать на руках.

Возможно, когда Бессмертный придёт в себя, он даже не свяжет случившееся с ним. Но видя его измождённое лицо, Юй Уцюэ решил: все мысли об ученичестве и спуске с горы могут подождать.

Юй Уцюэ низко поклонился:

— Прошу Главу дворца дать мне шанс. Я спрашиваю о недуге Бессмертного лишь ради того, чтобы лучше за ним ухаживать. Марионеток в Парящем дворце много, но они не заменят живого человека. Вам недосуг бывать здесь ежедневно, так позвольте мне взять эти заботы на себя. Прислуживать Бессмертному и поддерживать порядок — это долг любого преданного ученика Дворца Небесного Предела.

Бай Инчи немного помолчал, а затем бережно поднял юношу на ноги. Он смягчился:

— Твоя преданность похвальна. Встань.

— Так что это за болезнь? Как её лечить? Какие правила нужно соблюдать в еде и уходе?

— Состояние моего младшего брата... — Бай Инчи помедлил. — Считай, что он просто подхватил сильную простуду. Давай ему укрепляющие отвары, покой — и через несколько дней он поправится. Запомни главное: каждый день, с часа Свиньи до часа Кролика, его духовные силы полностью иссякают. В это время он становится чрезвычайно слаб. Смертельной угрозы нет, но нужно следить, чтобы он не мёрз и не бодрствовал допоздна. Как только эти часы минуют и духовная энергия вернётся, боль и слабость утихнут сами собой.

Он не стал раскрывать истинную суть недуга, радуясь лишь искреннему порыву Юй Уцюэ.

— Уцюэ, порой знать и не спрашивать, слышать и не допытываться — лучшее решение как для тебя, так и для него. Спрячь свои сомнения поглубже и никогда ни с кем об этом не заговаривай. Договорились?

Юй Уцюэ послушно кивнул:

— Ваш ученик всё понял и будет нем как рыба.

— Скоро рассвет, ты и так провёл без сна всю ночь. Ступай отдыхать.

Бай Инчи снова перевёл взгляд на бледное лицо Хэ Бугуя и крепче сжал его холодные пальцы:

— Я сам за ним пригляжу.

Глава дворца сидел у постели уже несколько часов, почти не сводя глаз с младшего брата. Казалось, пока Бессмертный Тайвэй не откроет глаза, он так и будет сидеть здесь, не двигаясь с места.

В мире говорили, что три Бессмертных Дворца Небесного Предела выросли вместе и связаны узами крепкой дружбы. Но не увидь Юй Уцюэ это своими глазами, он бы ни за что не поверил, что величественный Глава великого ордена может смотреть на кого-то с такой щемящей, нежной заботой, а холодный и неприступный Хэ Бугуй во сне будет так отчаянно цепляться за чью-то руку.

От этого зрелища в груди невольно защемило от лёгкой зависти.

— Тогда я пойду на кухню и приготовлю завтрак, — сказал Юй Уцюэ. — Как только Бессмертный проснётся, тёплая пища поможет ему быстрее восстановить силы. И вы, Глава дворца, тоже поешьте вместе с ним.

Бай Инчи едва заметно кивнул:

— Ступай. Спасибо тебе.

С первыми лучами солнца, ровно в час Кролика, предсказание Бай Инчи сбылось: всё вернулось на свои места.

В спальню гурьбой вбежали вполосившиеся слуги-марионетки и с поклонами принялись молить о прощении. Отмахнувшись от них, Бай Инчи выпроводил слуг прочь. Прошло ещё около получаса, прежде чем Хэ Бугуй начал приходить в себя.

— ... Брат?

Голос его звучал хрипло. Он слабо сжал ладонь Бай Инчи. Тот, задремавший было на краю постели, мгновенно очнулся, помог ему приподняться и поднёс к сухим губам чашу с водой.

— Лежи, лежи. Всё позади. Теперь послушно восстанавливай силы, и тогда я, так и быть, не стану тебя ругать.

— ...

Хэ Бугуй так долго пытался скрыть своё состояние, но утаить правду от заботливого старшего брата всё же не удалось.

— Ты искал меня на горе Алого Золота?

— Да, но первым тебя отыскал Уцюэ.

Хэ Бугуй изумился, но затем холодно фыркнул:

— Вечно суёт нос куда не просят. Совершенно не поддаётся воспитанию.

— Когда Уцюэ добрался до тебя, марионетки уже лишились энергии. Он голыми руками раздвинул крылья Бэйиня, вытащил тебя из-под завала и на собственной спине вынес к подножию горы. Мальчишка, конечно, взбалмошный, но сердце у него золотое. Не сердись на него, младший брат.

— Он... тащил меня на спине? — Хэ Бугую стало не по себе. — А где тогда был ты, брат?

Бай Инчи, не заметив его неловкости, резонно возразил:

— А сам как думаешь? Ты ведь воздвиг такой плотный барьер специально, чтобы я не вмешался. Мне тоже потребовалось время, чтобы пробить его.

Хэ Бугуй упрекающе сжал его руку, маскируя смущение ворчанием:

— Недопустимое легкомыслие.

В его голосе слышалось порицание, но без капли злости. Хэ Бугуя лишь раздражало, что этот несносный мальчишка опять нарушил границы, и теперь придётся придумывать, как отблагодарить его за спасение. Лишние хлопоты.

Вчера, опасаясь, что извержение вызовет у Юй Уцюэ подозрения, Хэ Бугуй специально велел Кунчжи передать тому, чтобы сидел смирно и никуда не высывался. Но упрямец будто мимо ушей всё пропустил.

Хэ Бугуй устало откинул голову на подушки:

— Брат, мне нехорошо.

Бай Инчи уже очень давно не видел, чтобы младший брат искал у него сочувствия. Его сердце мгновенно растаяло. Он поспешно подложил под спину Хэ Бугуя несколько мягких подушек:

— Ты в этот раз пошёл на безрассудный риск. Наступил час Кролика, давай я помогу тебе направить духовные потоки.

Тёплая волна энергии потекла в грудь, наполняя опустошённый даньтянь и разливаясь по меридианам. Измученное тело Хэ Бугуя наконец обрело опору. В минуты слабости он всегда становился на удивление покладистым — молча слушал, пока Бай Инчи вкратце пересказывал события минувшей ночи.

Когда зашла речь о том, что Юй Уцюэ готов навсегда отказаться от спуска с горы, лишь бы остаться и ухаживать за Бессмертным Тайвэем, Хэ Бугуй едва заметно вздрогнул.

— Мальчишка на редкость смыслённый, — продолжал Бай Инчи. — По одним твоим наброскам разгадал суть техники. Он весьма толково разложил мне принцип работы марионеток. Я ведь знаю, что создание духовных ядер — твой личный секрет, но он уловил саму суть.

— Ума ему не занимать, — сухо отозвался Хэ Бугуй. — Созданные им ядра по структуре едва ли отличаются от моих. Разве что наполнение у них иное.

— Он уже дважды застал тебя без сил, так что скрывать недуг дальше вряд ли получится. Я обрисовал ему положение в общих чертах. Рано или поздно он и сам бы догадался. Юноша чувствует себя виноватым перед тобой, так что пусть помогает. Нам с младшей сестрой будет спокойнее, если рядом с тобой появится живой помощник.

— Много на себя берет, я пострадал не ради него, — безучастно бросил Хэ Бугуй. — Юй Уцюэ слишком шумный. Как только закончится Собрание и все гости разъедутся, я тут же отправлю его восвояси.

— Неужели не жалко отпускать?

Хэ Бугуй искренне удивился:

— С чего бы мне его жалеть?

Бай Инчи вздохнул и вновь заговорил мягким, наставительным тоном:

— Такой самородок рождается раз в сто лет. Твоё мастерство создания марионеток не знает равных в поднебесной, ты должен передать его достойному преемнику. После того как старейшина Сюаньцзи отправился странствовать, в нашей школе только ты владеешь этим искусством. Юй Уцюэ имеет непростое происхождение, оставлять его без присмотра в миру небезопасно. К тому же его выдающийся талант к нашему ремеслу делает его идеальным кандидатом в ученики.

— Да и с ним тебе не будет так одиноко. Вчера он даже выпрашивал у Гуань Ся рецепты,

чтобы приготовить тебе целебный бульон. Неужели тебе не хочется иметь подле себя преданного преемника, который прославит твою школу и скрасит старость?

— Не хочется, — отрезал Хэ Бугуй, утомлённый этими речами. — Описание преемника в твоих устах больше походит на усыновление. Брат, не трать силы попусту. Если у него действительно есть дар, Сюэ И сможет обучить его ничуть не хуже.

Поняв, что спорить бесполезно, Бай Инчи перевёл разговор на другую тему:

— Через несколько дней состоится банкет в честь Праздника середины осени. Отдохни как следует, а потом спускайся к нам. Проведём вечер вместе с сестрой, посидим по-семейному. Что скажешь?

Хэ Бугуй покачал головой:

— Не люблю шумные сборища. Пожалуй, откажусь.

Спустя час в покои Хэ Бугуя вереницей потянулись слуги-марионетки с водой для умывания, а замыкал шествие Юй Уцюэ.

В руках он держал несколько узелков и поднос. Судя по всему, юноша провёл у плиты всё утро, прежде чем сотворить этот лечебный завтрак.

Он вошёл без лишних церемоний. Кунчжи даже не подумал его останавливать и услужливо помог расставить блюда на столе.

— Бессмертный, вы, должно быть, проголодались? — Юй Уцюэ с тёплой улыбкой принялся аккуратно помешивать дымящийся суп в пиале. — Этот бульон согреет желудок. Сделайте сначала несколько глотков, а потом приметесь за остальное.

Хэ Бугуй, уже смирившийся с его бесцеремонным вторжением в спальню, молча поднялся с постели и сел за стол, подперев щёку ладонью.

Выглядело аппетитно, но зачем же готовить так много на одного человека?

Хэ Бугуй покосился на юношу:

— А сам ты ел?

Юй Уцюэ облизнул губы:

— Ещё нет.

Бессмертный взял палочки для еды:

— Садись и ешь.

— Премного благодарен! — расплылся в улыбке Юй Уцюэ. Он явно только и ждал этого приглашения. Сев напротив, он пододвинул остывающий бульон поближе к Хэ Бугую и мягко скомандовал: — Прошу, начните с супа.

Хэ Бугуй терпеть не мог, когда его заставляли есть. В детстве чета Бай закармливала его так, словно растила поросёнка на убой, оставив травму на всю жизнь. И вот теперь появился этот беспардонный Юй Уцюэ.

Однако, помня прошлый опыт и чувствуя себя из рук вон плохо, он решил не упрямиться и без лишних пререканий взял ложку.

Бульон источал тонкий аромат свежих листьев лотоса. Хэ Бугуй негромко поблагодарил юношу и сделал первый глоток.

В супе чувствовалась лёгкая горчинка добавленной эвкоммии, но лotosовый лист идеально сглаживал этот вкус. На дне пиалы лежали тончайшие ломтики свиных почек, приправленные имбирём и чёрным перцем — ни малейшего намёка на неприятный запах.

Опустошённое тело Бессмертного Тайвэя будто ожило от этого тепла. Он молча осушил пиалу до дна. По телу разлилась приятная истома, на лбу выступили мелкие капли пота, а в желудке воцарился блаженный покой. Даже Юй Уцюэ в этот миг показался ему чуточку симпатичнее.

Отставив пиалу, Хэ Бугуй вытер губы платком и наткнулся на преданный взгляд юноши, жаждущего похвалы.

Пришлось выдавить из себя скупое одобрение:

— Вкусно. Какими свойствами обладает этот отвар?

Юй Уцюэ с любопытством пригляделся к слегка порозовевшим щекам Хэ Бугуя:

— Ну как, Бессмертный? Чувствуете, как кровь побежала быстрее по жилам?

— Бурления я не ощущаю, но мне определённо стало намного теплее.

— Всё верно! — просиял Уцюэ. — Этот суп сварен из свиных почек с добавлением эвкоммии. Он отлично помогает при мужском бессилии, истощении почек и угрозе выкидыша.

Хэ Бугуй как раз отправил в рот сладкое финиковое пирожное. На этих словах он поперхнулся и закашлялся так сильно, что едва не испустил дух.

Вот уж действительно — не стоило давать этому наглецу спуску. Стоило проявить немного мягкости, как он тут же сел на шею. Сегодня шутит над почками Бессмертного, а завтра что устроит?

Юй Уцюэ, едва сдерживая смех, принялся легонько похлопывать его по спине:

— Вот, выкашливайте всю дурную энергию! Болезнь быстрее уйдёт!

Отшутившись, он тепло улыбнулся:

— Полезные свойства — это одно, но суп действительно прекрасно восстанавливает силы. Так что пейте без боязни, Бессмертный. И пирожных тут много, кушайте на здоровье.

Завтрак растянулся почти на час. Хэ Бугуй ел не торопясь, храня молчание. Юй Уцюэ неумолчно щебетал над ухом, рассказывая о свойствах каждого блюда и способах их приготовления, уговаривая съесть ещё кусочек и то и дело тихонько посмеиваясь. Хэ Бугуй не расспрашивал о причинах этого веселья, лишь время от времени украдкой касался уголков губ, опасаясь, что испачкался и стал посмешищем для юнца.

Эти робкие жесты казались Уцюэ невероятно милыми. Юноша впервые почувствовал такую уверенность в деле, никак не связанном с созданием марионеток. Он подумал: «Если когда-нибудь заброшу ремесло и не смогу прокормить бабушку, подамся в повара и открою трактир в мире смертных».

На душе у него было легко, а язык без усталости молот обо всём подряд: то о секретах тушения мяса, то о тонкостях приготовления десертов на пару. И пусть Хэ Бугуй почти не отвечал, Юй Уцюэ превосходно справлялся с ролью рассказчика в одиночку. Избегая скользких тем, он разливался соловьём о еде, винах и секретах долголетия. Время пролетело незаметно. Хэ Бугуй поймал себя на мысли, что вместо привычного раздражения от «невыносимой болтовни» в его душе поселилось странное чувство: в Парящем дворце уже очень давно не было так оживлённо.

Оказывается, когда рядом кто-то есть, трапеза перестаёт быть унылой рутинной. Наевшись досыта, Бессмертный ощутил прилив сил, и его настроение заметно улучшилось.

Заметив, что хозяин отложил палочки, Юй Уцюэ тут же подал ему чашку свежего чая, быстро собрал грязную посуду и направился к выходу.

— Юй Уцюэ, — окликнул его Хэ Бугуй.

Юноша обернулся с подносом в руках:

— У вас есть ещё какие-то поручения, Бессмертный?

— У тебя совсем нет вопросов ко мне? Или... каких-то просьб?

Юй Уцюэ растерялся:

— Да нет, вроде бы... — Но тут же спохватился: — Ах, да! Есть, конечно!

Хэ Бугуй мысленно вздохнул: «Так я и знал».

Юй Уцюэ вернулся в комнату, поставил поднос и принялся усердно шарить по карманам. Наконец он извлёк потрёпанную игрушку в виде медвежонка и протянул её Хэ Бугую:

— Мне просто хотелось узнать... это ведь ваша работа?

Хэ Бугуй замер на мгновение, а затем кивнул:

— Моя.

— Вы сделали её для меня? Мы были знакомы, когда я был совсем маленьким?

Тканевая одёжка медвежонка протёрлась до блеска — верный знак того, что хозяин не расставался с игрушкой долгие годы. Когда-то давно Гуань Ся принесла младенца в дом и уже через неделю взывала от отчаяния. Не потому, что ей в тягость были заботы, просто ребёнок плакал без остановки, почти ничего не ел, плохо спал и таял на глазах. Опасаясь за его жизнь, Гуань Ся обратилась за помощью к Хэ Бугую.

Причина была странной: стоило малышу коснуться хотя бы края одежды Хэ Бугуя, как он мгновенно затихал.

Тогда Хэ Бугуй и смастерил эту нехитрую игрушку. Кунчжи лично отобрал лоскуты от старых одеяний хозяина, из которых сшили одёжку для медвежонка.

Получив игрушку, младенец действительно перестал плакать. Он целыми днями обнимал её и грыз, став на удивление послушным.

Дело было нехитрое, и Хэ Бугуй завёл привычку каждый год мастерить для него новые игрушки. Так продолжалось лет семь или восемь, пока Гуань Ся не сообщила, что отдала мальчика в школу.

Когда-то слова Я Ин о «предначертанной связи» казались ему глупой шуткой. Но теперь, глядя на юношу, который сжимал в руках игрушку и преданно ждал ответа, Хэ Бугуй невольно задумался: а вдруг судьба и впрямь существует?

— Да, я помню тебя совсем маленьким, — тихо произнёс он.

С трудом сдерживая волнение, Юй Уцюэ спросил:

— Тогда... вам известно, кто мои родители?

— Ты хочешь их отыскать?

— Нет, — без малейшего колебания ответил юноша. — Я просто хочу знать, почему они меня бросили.

Этот вопрос терзал его душу долгие годы. С тех пор как он узнал, что не родной сын в семье, ему отчаянно хотелось выведать правду у бабушки. Но портить отношения расспросами с человеком, который вырастил его как родного, было слишком больно. Так этот вопрос и остался невысказанным, превратившись в застарелую обиду.

И вот теперь, случайно узнав о своей давней связи с Хэ Бугуем, он почему-то решился спросить.

Хэ Бугуй долго смотрел на него, пытаясь подобрать нужные слова утешения:

— У них были непреодолимые обстоятельства. Они оставили тебя не по своей воле.

Этого ответа оказалось достаточно. Юй Уцюэ облегчённо улыбнулся:

— Я понял. Не переживайте, Бессмертный, я спросил просто так. Я не держу на них зла. В этой жизни у меня есть только бабушка, и я сделаю всё, чтобы она ни в чём не нуждалась.

Хэ Бугуй уже приготовил целую речь о том, что «долг рождения велик, но долг воспитания священен», намереваясь наставить юношу на путь истинный. Но видя его лёгкость и душевное

спокойствие, понял, что тревожился зря.

Он думал, что Юй Уцюэ, подобно другим сиротам, будет мучиться вопросами о предательстве родителей или бросится на их поиски. Оказалось, тот действительно хотел просто знать правду. Наверняка в его жизни было немало горьких минут, когда он завидовал сверстникам, у которых были отец и мать. Тем ценнее было то, что он не озлобился на весь мир и не превратился в обиженного судьбой скитальца.

Эта мимолётная душевная чистота глубоко тронула Бессмертного Тайвэя, когда-то пережившего похожие чувства.

Хэ Бугуй аккуратно приподнял крышечку гайвани, пряча взгляд:

— Приближается Праздник середины осени.

— Да, я слышал, что в этом году Дворец Небесного Предела устраивает грандиозный приём для всех великих орденов. Наверняка там будет куча вкусностей! Бабушка каждый год печёт свои фирменные лунные пряники. Мне бы так хотелось, чтобы и вы их попробовали. Вы ведь любите сладкое, вам точно понравится.

— Но раз будет пир, бабушке придётся несладко. Она ведь главный повар ордена, совсем загоняют бедняжку.

Стоило перевести тему, как грусть Юй Уцюэ мгновенно улетучилась. Стоило заговорить о еде, как его рот уже не закрывался. Он принялся наперебой расхваливать пирожные из лавки «Бабао», вино из трактира «Фэйсянь», свежую рыбу с Галереи Тысячи Журавлей и постные блюда с Горы Безмерности... Но тут же осёкся и вздохнул:

— У бабушки совсем разболелась спина. Интересно, хватает ли ей притирок, что давал истинный человек Юнлэ?

Юноша явно стосковался по дому.

Слушая знакомые названия блюд, Хэ Бугуй невольно вспомнил собственное детство — то, как он сам когда-то хвостиком ходил за бабушкой Гуань, выпрашивая еду. Она кормила его с ложечки, примечая каждую его прихоть. Из-за того, что маленькому Хэ Бугую не нравилось простое название блюда «Два му земли», Гуань Ся призвала на помощь всю свою фантазию и нарекла его «Россыпью золотых и изумрудных бусин на нефритовом блюде», лишь бы уговорить капризного ребёнка съесть хоть немного.

К слову, несколько дней назад Юй Уцюэ приготовил именно это блюдо, и его вкус на девять десятых совпадал с тем, из детства.

Это воспоминание вызвало у Хэ Бугуя тёплую волну ностальгии.

Он подул на чайники и негромко произнёс:

— В день праздника ступай навести её.

Юй Уцюэ опешил:

— Бессмертный позволяет мне спуститься с горы?

— Да. Возьми у Кунчжи лечебную мазь и передай бабушке.

Оплавленный волной радости, Юй Уцюэ напрочь позабыл о том, что Бессмертный терпеть не может чужих прикосновений и шума в своих покоях. Он рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился в рукав Хэ Бугуя.

— Огромное спасибо, Бессмертный Тайвэй! — завопил он вне себя от счастья.

Хэ Бугуй уже успел тысячу раз пожалеть о своей доброте:

— Отпусти. Не отпустишь — никуда не пойдёшь.

— Я вернусь точно в срок! И привезу вам все те лакомства, о которых рассказывал! Ничего не забуду, всё попробуете!

— Живо отпусти рукав!

Юй Уцюэ поспешно отдёргнул руки, весело скалясь и сверкая острыми тигриными клыками. От его бурной радости чай в чашке Хэ Бугуя расплескался. Бессмертный хотел было одарить этого подлизу самым грозным взглядом, но наткнулся на сияющие, полные искреннего тепла глаза юноши. Его улыбка была ярче полуденного солнца.

Хэ Бугуй неловко отвернулся и сухо скомандовал:

— Ступай прочь.

Даже когда Юй Уцюэ наконец ушёл, эхо его заливистого смеха ещё долго витало под сводами Парящего дворца.

Иные практики, достигшие вознесения, не радовались так, как этот несносный мальчишка.

Хэ Бугуй потёр виски, стараясь прогнать лишний шум из мыслей.

Он невольно вспомнил слова старшего брата о грядущем одиночестве старости. И подумал: что же хуже — провести вечность в безмолвном покое или делить её с этим несносным Юй Уцюэ?

Однозначного ответа у него пока не было.

<http://bllate.org/book/20165/2132578>